

В. А. Томсинов

**Учение
К.П. Победоносцева
о самодержавии**

Опубликована:

Консервативная правовая мысль России.
Сборник научных статей / Под редакцией А.А. Васильева.
Барнаул, 2012. С. 130–155.

Основополагающие принципы русской доктрины самодержавной власти были сформулированы еще Иоанном IV (Грозным)¹. В своих сочинениях царь-идеолог подчеркивал, что *православное христианское самодержавие – это прежде всего династийная власть, то есть власть, передающаяся в течение многих веков в рамках одной династии государей*. Вместе с тем в его понимании православное христианское самодержавие являлось также *властью, действующей в соответствии с традициями предков*. Кроме того, Иоанн Грозный трактовал православное христианское самодержавие как *власть, данную от Бога*. Православное христианское самодержавие представлялось им также *властью всецело единоличной, независимой от боярства, духовенства – вообще от какой бы то ни было общественной силы*.

По мнению Иоанна Грозного, *царь должен был сосредотачивать в своих руках абсолютно все дела управления и нести ответственность перед Богом буквально за все помыслы и поступки своих подданных*.

Выражая желание властвовать, ни перед кем не отчитываясь, Иоанн Грозный имел в виду свободу царской власти от какого-либо контроля со стороны подданных, но при этом не подразумевал возможности для царя творить полный произвол.

В период правления Петра I доктрина самодержавной власти существенно обновилась². В ее содержании появились новые постулаты, соответствовавшие переменам в социально-экономической, политической и культурной жизни русского общества, которые произошли в процессе петровских реформ. Но при этом основные принципы этой доктрины, сложившиеся в прошлые эпохи, сохраняли свое значение. Некоторые из них получили законодательное оформление, отлились в более четкие доктринальные положения.

Так, в толковании к арт. 20 «Артикула воинского» 1715 года давалась следующая характеристика самодержавной власти: *«...Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»*³.

---

¹ См. об этом: Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. М.: Зерцало, 2003. С. 106–115.

² См.: Там же. С. 166–174.

³ Данная характеристика самодержавной власти была повторена в «Уставе морском» 1720 года.

В приведенных словах были обозначены те свойства самодержавной власти, которые выделял в своей теории «православного христианского самодержавия» Иоанн Грозный. Взгляд на царя как на православно-христианский по своему назначению институт проводил и «Духовный регламент» 1721 года. Царь Петр I представлялся здесь «яко христианский государь, правоверия же и всякого в церкви Святей блюститель».

Как и прежде самодержавная власть мыслилась в качестве власти данной от Бога. Эта идея закреплялась в царском титуле Петра I, который начинался со слов: «Божиею милостию, Мы, пресветлейший и державнейший Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всея Великие и Малые и Белые России самодержец...». На божественное происхождение самодержавной власти указывал также его императорский титул: «Божиею поспешествующею милостию Мы Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский...».

В теории «православного христианского самодержавия», сформулированной Иваном Грозным, *на самодержца возлагались функции защиты русского общества от врагов, искоренения «зла», наказания «злодеев»*. Подобные функции возлагал на себя как на самодержца и Петр I. Он говорил в одной из своих речей: «Первые и главные обязанности монарха, призванного Богом к управлению целыми государствами и народами, состоят в защите от внешних врагов и в сохранении внутреннего мира между подданными посредством скорого и праведного воздания каждому по справедливости. Долг монарха самому вести войска свои в бой и наказывать зло в лице людей, наиболее высоко стоящих по рождению или по богатству, совершенно так же, как и в лице последнего мужика».

Подобно Иоанну Грозному Петр I считал, что царский титул делает его ответственным буквально за все происходящее в России и наделяет правомочием вмешиваться во все сферы общественной жизни. Теория «православного христианского самодержавия» отождествляла самодержавную власть с властью отца в семье. Подданные царя представлялись при этом его детьми.

Одним из наиболее значимых догматов официальной доктрины самодержавной власти стала в XVIII веке *идея служения самодержца*

общему благу, славе и чести народа российского. Петр I был привержен ей на протяжении всего своего царствования. Так, в изданном в 1702 году «Манифесте о вызове иностранцев в Россию» он заявлял о том, что со вступления на престол все его старания и намерения клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все его подданные, попечением его «о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». В речи перед войсками накануне Полтавской битвы русский царь говорил: «... И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя бытии за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский... А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние».

Способность служить общему благу, славе и чести народа российского стала рассматриваться в русской политической идеологии XVIII века таким же основанием для наделения того или иного лица царской властью, каким прежде считалась его «богоизбранность». Этому представлению вполне соответствовал Именной указ Петра I от 5 февраля 1722 года «О праве наследия престолом», по которому устанавливалось, что «в воли правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменит».

В условиях XVIII столетия идея служения самодержца общему благу, славе и чести народа российского приобрела такое же значение, которое имела концепция божественного происхождения самодержавной власти. В соответствии с этой идеей *повиноваться самодержцу надлежало не только потому, что его власть – от Бога, но и по той причине, что он служит «общему благу» или «общей пользе».*

* * *

В период царствования императора Николая I официальная доктрина самодержавной власти получила краткую формулу, выразившую ее основополагающие принципы: «православие, самодержавие, народность». Самодержавное правление, соединенное с началами православия и народности, стало рассматриваться в качестве панциря,

спасающего самобытность России от разрушающего влияния европеизма. Идеологическое обоснование этого взгляда было дано в докладе С.С. Уварова⁴, поданном государю 19 марта 1833 года. «Самодержавие, — говорилось в нем, — представляет главное условие политического существования России в настоящем ее виде. Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам; можно их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил. Русский Колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении и в образе мыслей, и в отношениях к правительству. Эта истина должна присутствовать и развиваться в народном воспитании»⁵.

Называя православие, самодержавие и народность тремя главными началами, «без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить»⁶, С.С. Уваров выражал тем самым традиционное русское воззрение на устои Российского государства, воплощавшееся с давних времен в лозунге русских воинов: «За Веру, Царя и Отечество!»

Придание самодержавию значения не просто образа правления, но и жизненно важного принципа устройства Русской цивилизации давало сторонникам самодержавной власти основание рассматривать

---

⁴ В то время С.С. Уваров являлся товарищем (заместителем) министра народного просвещения. 21 марта 1833 года он был назначен исправляющим должность министра народного просвещения.

⁵ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством, Народного Просвещения // Река времен. Вып. 1. М.: Эллис Лак; Река времен, 1995. С. 71.

⁶ Там же. С. 70.

любое преобразование, предполагавшее введение в России конституционного правления в качестве меры, губящей страну.

Попытки провести подобную реформу, предусматривавшую привлечение к законосовещательной деятельности общественных представителей, были предприняты в период правления Александра II группой сановников, входивших в его ближайшее окружение⁷. Наиболее серьезной среди них оказалась мера, предложенная министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым в докладе Александру II, поданном 28 января 1881 года. Она была одобрена императором 17 февраля, за 11 дней до его гибели от бомбы революционеров-террористов. Вступивший на престол Александр III поначалу воспринимал эту реформу в качестве завещания отца, которое необходимо было выполнить. Поэтому внутренне настроенный против этой меры, молодой государь не спешил отказаться от нее. Только 29 апреля Александр III издал Манифест, в котором объявил, что глас Божий повелевает ему «стать бодро за дело правления в уповании Божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти» и что он призван ее «утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений».

Автором текста этого судьбоносного для России Манифеста был наставник молодого императора обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. Именно он подвиг Александра III на решительный отказ от проекта создания института всероссийского общественного представительства, считая его несущим гибель России.

Главное достоинство самодержавной власти Победоносцев видел в ее способности обеспечить непосредственную связь царя и народа. Главный вред общественного представительства соответственно усматривался им в том, что оно разрывает непосредственную связь царя с народом. В своей речи на совещании сановников, собравшихся 8 марта 1881 года у Александра III для обсуждения проекта М.Т. Лорис-Меликова о привлечении общественных представителей к законосовещательной деятельности, Константин Петрович говорил⁸: «Россия

---

⁷ См. об этих попытках: *Томсинов В.А.* Конституционный вопрос в России в 60-е – начале 80-х годов XIX века. М.: Зерцало, 2012. С. 103–185.

⁸ Выступление К.П. Победоносцева и других сановников на этом совещании были записаны присутствовавшим на нем государственным секретарем Е.А. Перетцем.

была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться! Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования»⁹.

Если С.С. Уваров рассматривал начала православия, самодержавия, народности в качестве принципов, которые должны лежать в основе процесса воспитания, то Победоносцев представлял их принципами реальной государственной политики. Его мысли, вошедшие в политическое мировоззрение императоров Александра III и Николая II, составили основу **нового варианта государственной идеологии России**.

Доминантой учения Победоносцева о самодержавии была *идея о пагубности политических и юридических учреждений, оторванных от исторических устоев общества и несоответствующих быту и сознанию народа*. Такими учреждениями Победоносцев считал для России институты Западной демократии – парламент, так называемую «свободную» печать, суд присяжных и т. п.

В программной по своему содержанию статье «Московского сборника» «Великая ложь нашего времени» он писал: «Что основано на лжи не может быть право. Учреждение, основанное на ложных началах, не может быть иное, как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений. Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит

См.: Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1878–1883). М.-Л., 1927. С. 30–47.

⁹ Из дневника Е.А. Перетца // Красный архив. 1925. Том 8. С. 141.

в заблуждение массу так называемой интеллигенции — и проникла, к несчастью, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее с каждым днем изобличается все явственнее перед целым миром. В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть изъявляет непосредственно свою волю и проводит ее в действие. Это идеальное представление. Прямое осуществление его невозможно... Выборы никоим образом не выражают волю избирателей. Представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикою против партии. Министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламента, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит к власти или устраняет от нее — могущественное личное влияние или влияние сильной партии. Они располагают всеми силами и достатками нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей на счет народа, — и притом не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте, а большинство поддерживают — раздачей всякой благостыни с обильной трапезы, которую государство отдало им в распоряжение. В действительности министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия — ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра?»¹⁰.

Подобные факты Победоносцев считал скорее правилом, чем исключением. Поэтому парламент определялся им как *«учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей»*. На фронтоне здания парламентаризма красуется надпись: «Все для общественного блага», но это, отмечал он, не что иное, как самая лживая формула: в действительности

---

¹⁰ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени // Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева, пятое, дополненное. М., 1901. С. 38–40.

«парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему я»¹¹.

Выступая на совещании сановников у государя 8 марта 1881 года, Константин Петрович заявлял: «Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды...»¹².

Вред парламентаризм проявляется всего явственнее, полагал Победоносцев, «там, где население государственной территории не имеет цельного состава, но включает в себе разнородные национальности». Он обращал внимание на то, что «начало национальности» стало «движущей и раздражающею силою в ходе событий именно с того времени, как пришло в соприкосновение с новейшими формами демократии». При этом им выражалось предположение, что в этой силе таится «источник великой и сложной борьбы, которая предстоит еще в истории человечества и неведомо к какому приведет исходу». Разрушительное воздействие национальных движений на имперское государство при наличии в нем парламента Победоносцев усматривал в неизбежно появляющемся в этих условиях в каждом отдельном племени разноплеменного государства чувстве «нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами, и желании «иметь свое самостоятельное управление со своею, нередко мнимую, культурой». «И это происходит, — отмечал он, — не с теми только племенами, которые имели свою историю и, в прошедшем своем, отдельную политическую жизнь и культуру, — но и с теми, которые никогда не жили особою политическою жизнью». По мнению Победоносцева, «неограниченная монархия успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы, — и не одною только силой, но и уравнением прав и отношений под одною властью! Но демократия не может с ними справиться и инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей

---

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Из дневника Е.А. Перетца. С. 141.

местности высылает представителей — не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения¹³, племенной ненависти — к господствующему племени и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению»¹⁴.

О том, что в полиэтническом обществе парламент может стать инструментом подавления одним этносом других этносов, Победоносцев писал и в письме к Александру III от 11 марта 1883 года. Рассказывая о ситуации, сложившейся в Австро-Венгрии, Константин Петрович обращал внимание государя на плачевное положение в нем русских людей: «Теперь вся парламентская сила — в руках у мадьяр и у поляков. Мадьяры — полные хозяева у себя и давят без пощады и без совести всякую иную народность, а система выборов так хитро ими же и поляками устроена, что никакая другая славянская народность не может иметь в палате сильного голоса. Поляки устроились так, что в польских провинциях, даже там где, как в Галиции, народ весь чисто русский, вся администрация и всякая власть в руках у поляков».¹⁵

Забота об общественном благе, под знаменем которой вершится политика в условиях парламентского правления, является на самом деле, подчеркивал Победоносцев всего лишь «прикрытием вовсе чуждых ему побуждений и инстинктов». Люди обманывают себя, думая, что парламентское правление служит обеспечением свободы. «Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с тою разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли, а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством; но как скоро при большинстве, составляемом под влиянием игры в партию, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля целого парламента: тем еще менее можно признать ее волею народа, здоровая масса коего

¹³ В оригинале написано — «разражения».

¹⁴ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. С. 53–54.

¹⁵ Письмо К. П. Победоносцева к Александру III от 11 марта 1883 г. // Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II. Том 2. М., 1926. С. 10.

не принимает никакого участия в игре партий и даже уклоняется от нее»¹⁶.

Несоответствующим общественным условиям России Победоносцев считал и суд присяжных. Данное учреждение усиливает случайность приговоров даже в тех странах, где существует «крепкое судебное сословие, веками воспитанное, прошедшее строгую школу науки и практической дисциплины, — писал он. — Можно себе представить, во что обращается это народное правосудие там, где в юном государстве нет и этой крепкой руководящей силы, но взамен того есть быстро образовавшаяся толпа адвокатов, которым интерес самолюбия и корысти сам собою помогает достигать вскоре значительного развития в искусстве софистики и логомахии, для того чтобы действовать на массу; где действует пестрое, смешанное стадо присяжных, собираемое или случайно, или искусственным подбором из массы, коей недоступны ни сознание долга судьи, ни способность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки; наконец, смешанная толпа публики, приходящей на суд как на зрелище посреди праздной и бедной содержанием жизни; и эта публика в сознании идеалистов должна означать *народ*»¹⁷.

Подобное мнение о суде присяжных Победоносцев высказывал задолго до издания «Московского сборника». Так, в письме к Анатолию Федоровичу Кони, датированном 24 октября 1879 года, он утверждал: «Учреждение присяжных в России, взятое со всею обстановкою — экономической, политической, бытовою и пр., есть одно из самых фальшивых учреждений, которые когда-либо введены были в Русской земле рукою от немецкого мастера. От того как бы нарисовалась идеальная его красота и польза, в действительности оно приносит величайший вред и умножает чрез меру ту повальную ложь, которой, как пеленками, обвито все наше официальное учреждение»¹⁸. В записке о реформе судебных учреждений, поданной

---

¹⁶ Там же. С. 58–59.

¹⁷ Победоносцев К.П. Суд присяжных // Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева, пятое, дополненное. М., 1901. С. 65–66.

¹⁸ Письма К.П. Победоносцева к А. Ф. Кони (1876–1900) // ГАРФ. Фонд 654 (А.Ф. Кони). Оп. 1. Ед. хр. 2892. Л. 18 об.–19.

Александр III 2 ноября 1885 года или немногим ранее,¹⁹ Победоносцев отмечал: «Учреждение присяжных в уголовном суде оказалось совершенно ложным, совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов, и, как ложное в существе своем и в условиях, послужило и служит к губительной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия»²⁰. Отрицательное отношение к суду присяжных им выражалось и в письмах к императору. Так, 11 февраля 1886 года он писал его величеству: «У нас присяжные, безо всякой дисциплины, без строгого руководства, случайно собранные, невежественные, остаются под влиянием адвокатских речей и всякого рода влиянием слухов, общественной болтовни, происков и интересов, а председатели, которые имели бы характер, волю и опытность, чтоб руководить прениями, — великая у нас редкость»²¹.

Еще более резкой критике Победоносцев подвергал «так называемую свободу печати». По его мнению, данное явление есть «одно из безобразнейших логических противоречий новейшей культуры, и всего безобразнее является оно именно там, где утвердилось начала новейшего либерализма, — именно там, где требуется для каждого учреждения санкция выбора, авторитет всенародной воли, где правление сосредоточивается в руках лиц, опирающихся на мнение большинства в собрании представителей народных. От одного только журналиста, власть коего практически на все простирается, не требуется никакой санкции. Никто не выбирает его и никто не утверждает. Газета становится авторитетом в государстве, и для этого единственного авторитета не требуется никакого признания. Всякий, кто хочет, первый встречный может

---

¹⁹ Сохранилось короткое письмо Александра III Победоносцеву, в котором его величество сообщил: «Благодарю очень за присланную записку о реформе судебного строя». Данное письмо датировано 2-м ноября 1885 г.

²⁰ *Победоносцев К.П.* Проект записки о реформе судебных учреждений // Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи, Очерки. Воспоминания / Сост. Т.Ф. Прокопов. М., 2001. С. 187.

²¹ Письмо К.П. Победоносцева к Александру III от 11 февраля 1886 года // Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Том 2. М., 1926. С. 174.

стать органом этой власти, представителем этого авторитета, — и притом вполне *безответственным*, как никакая иная власть в мире»²².

Судья, указывает Победоносцев, имея правомочие карать нашу честь, лишать нас имущества и свободы, получает его от государства. Он «должен продолжительным трудом и испытанием готовиться к своему званию. Он связан строгим законом; всякие ошибки его и увлечения подлежат контролю высшей власти, и приговор его может быть изменен и исправлен. А журналист имеет полнейшую возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественные права; может даже стеснить мою свободу, затруднив своими нападкамии или сделав невозможным для меня пребывание в известном месте. Но эту судейскую власть надо мною сам он себе присвоил: ни от какого высшего авторитета он не приял этого звания, не доказал никаким испытанием, что он к нему приготовлен, ничем не удостоверил личных качеств благонадежности и беспристрастия, в суде своем надо мною не связан никакими формами процесса, и не подлежит никакой апелляции в своем приговоре. Правда защитники печати утверждают, будто она сама излечивает наносимые ею раны; но ведь всякому разумному понятно, что это одно лишь праздное слово. Нападки печати на частное лицо могут причинить ему вред неисправимый. Всевозможные опровержения и объяснения не могут дать ему полного удовлетворения. Не всякий из читателей, кому попала на глаза первая поносительная статья, прочтет другую, оправдательную или объяснительную, а при легкомыслии массы читателей — позорящее внушение или надругательство оставляют во всяком случае яд в мнении и расположении массы. Судебное преследование за клевету, как известно, — дает плохую защиту, и процесс по поводу клеветы служит почти всегда средством не к обличению обидчика, но к новым оскорблениям обиженного»²³.

«Итак, — подводил Константин Петрович итог своим рассуждениям о печати, — можно ли представить себе деспотизм более насильственный, более безответственный, чем деспотизм печатного слова? И не странно ли, не дико ли и безумно, что о поддержании и

---

²² Победоносцев К.П. Печать // Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева, пятое, дополненное. М., 1901. С. 72.

²³ Там же. С. 73.

охранении именно этого деспотизма хлопочут все более ожесточенные поборники *свободы*, вопиющие с озлоблением против всякого насилия, против всяких законных ограничений, против всякого стеснительного распоряжения *установленной власти*? Невольно приходит на мысль вековечное слово об умниках, которые совсем обезумели оттого, что возомнили себя мудрыми»²⁴.

Победоносцева ужасала в российских газетах и журналах не только безответственность в высказываниях, обилие клеветнических нападок на тех или иных общественных и государственных деятелей. Его не устраивал и низкий культурный уровень публикаций. «**Все газеты в руках промышленников, в большинстве – евреев, и промышляют невежественным либерализмом, сплетнею и скандалом. Поистине я не знаю ни одной редакции разумной и культурной**»²⁵, – сокрушался он в письме к С. А. Рачинскому, написанном в феврале 1898 года.

Критикую такие государственные установления, как *выборы, парламент, суд присяжных, свободу печати*, Победоносцев старался показать пагубность для общества демократической формы правления. В чем состоит же действительное преимущество демократии перед другими формами правления? – спрашивал он. В своем ответе на этот вопрос Константин Петрович опирался не только на логику мышления, здравый смысл, но также на исторический опыт. «Повсюду, – отмечал он, – кто оказывается сильнее, тот и становится господином правления: в одном случае – счастливый и решительный генерал, в другом – монарх или администратор – с умением, ловкостью, с ясным планом действия, с непреклонною волей. При демократическом образе правления правителями становятся ловкие подбиратели голосов, с своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов. Люди этого рода выступают с громкими речами о равенстве, но в сущности любой деспот или военный диктатор в таком же, как и они, отношении *господства* к гражданам, составляющим народ. Расширение прав на

²⁴ Там же. С. 74.

²⁵ Письма К.П. Победоносцева к С.А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С.А. Рачинский). 1898. Январь-февраль. Б.л.

участие в выборах демократия считает прогрессом, завоеванием свободы; по демократической теории выходит, что чем большее множество людей призывается к участию в политическом праве, тем более вероятность, что *все* воспользуются этим правом в интересе общего блага для *всех* и для утверждения всеобщей свободы. Опыт доказывает совсем противное. История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокою идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей; что расширение это — в больших государствах — или вводилось с тайными целями сосредоточения власти, или само собою приводило к диктатуре»²⁶.

Выступая против каких-либо попыток создания в России элементов общественного представительства, демократизации системы государственной власти, Победоносцев вместе с тем порицал сложившийся здесь бюрократический механизм властвования. Бюрократию он считал столь же вредным для страны явлением, как и революционеров.

Именно в бюрократии виделся ему главный источник пороков, разлагавших российскую государственность. Характеризуя в письме Александру III от 10 июля 1881 года ее состояние, сложившееся к концу предшествовавшего царствования, Константин Петрович писал: «Все зло у нас шло сверху, из чиновничества, а не снизу... Чистить надобно сверху. Но и то правда: в том состоянии, до которого мы дошли, надобно быть Геркулесом, чтобы очистить всю нечистоту и весь разврат сердца и мысли, накопившееся в нашем чиновничестве. С 1862 года я вижу с глубокою скорбью, как все оно постепенно развращалось, как разрушались все начала и предания долга и чести, как люди слабые, равнодушные, ничтожные заступали место крепких и нужных, превращались в скопцов. Вместе с тем... переделывались все наши учреждения на фальшивый лад, не соответствующий ни экономии государства, ни быту народа и его потребностям. Оттого в критическую минуту почти ни одно из этих учреждений не в силах

---

²⁶ Победоносцев К.П. Новая демократия // Московский сборник. М., 1901. С. 26–27.

служить государству. Сначала люди легкомысленно развратили учреждения, потом сами учреждения стали портить людей массою»²⁷.

Завершая письмо, Победоносцев жаловался: «Больно писать все это, Ваше Императорское Величество, и собирать перед Вами новые черты ужасной картины, которая и без того видна слишком ясно. Наболевшая от всего этого душа находит утешение и надежду только в простых людях, сохранивших в себе простоту мысли и горячность сердца»²⁸. Эти слова отражали его истинные настроения. За десятилетия жизни в Санкт-Петербурге он так и не смог сродниться с его сановно-чиновным миром. Более того, злобедность этого города стала ощущаться им еще острее. «Я мало кого и вижу, — писал он 10 октября 1877 года С.Д. Шереметеву. — Стараюсь даже избегать людей, чтоб не вступать в разговоры о том, что у меня камнем лежит на сердце, а иной еще станет говорить, не в тон попадет и еще растравит душу. Ведь тут в Питере, что ни человек — то чиновник, а как противны стали теперь здешние чиновники, большие и малые»²⁹. «Бедлам и центр разврата на всю Россию»³⁰, — такими словами назвал Константин Петрович Санкт-Петербург в письме к С.А. Рачинскому, написанном 30 июня 1882 года.

В.В. Розанов, лично знавший Победоносцева и хорошо понимавший его одиночество среди сановников империи, пытался объяснить этот феномен и пришел к весьма оригинальному выводу. «Для всякого, кто имел малейшее к нему прикосновение, — писал он вскоре после кончины Победоносцева, — не может быть никакого сомнения, что его невозможно поставить и оставить в ряду действительно темных людей политики, вроде известного австрийского Меттерниха: у тех был какой-то врожденный мундир, какая-то мундирность душеустройства, которая отталкивает от них человечество. “Не наш, не наш!” — есть восклицание над их гробом, роковое, самое мучительное, если оно раздается из уст человечества. Над гробом

²⁷ Письмо К.П. Победоносцева к Александру III от 10 июля 1891 года // Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Том 1. М., 1925. С. 346.

²⁸ Там же. С. 347.

²⁹ Переписка С.Д. Шереметева с К.П. Победоносцевым // Российский архив. Вып. 9. М., 1999. С. 301.

³⁰ Победоносцев К.П. Письма к С.А. Рачинскому // Отдел рукописей РНБ. Фонд 631 (С.А. Рачинский). 1882. Январь-июль. Л. 167.

Победоносцева хочется сказать другое, примирительное слово. Я знаю, как встанут на дыбы против этого слова все, кто лично его не знал и просто по этому незнанию *не могут судить*. Мундир на него был только надет, притом — со стороны. И хотя Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность и в этом отношении иногда произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу “он был *наш!*” ... Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы... Бывают случаи, что дитя улицы, уличный волчонок доброю феею или ангелом судьбы своей бывает перенесен во дворец, в аристократию, в золотые и раззолоченные круги; и всю-то жизнь он стоит угрюмо среди них, кусается, презирает, бьется. Мне решительно и определенно известно, что раззолоченную среду вокруг себя, эту нашу бюрократию, он всегда и нескрываяемо презирал. С некоторыми министрами, тоже весьма богомольными, он не хотел иметь никакого дела, несмотря на все их заискивание... Но фея отделила волчонка рано и от улицы: видя ее только издали, как грязь, прилипающую к колесам своего экипажа, — он презирал и ее далеким, непонимающим, *отвлеченным презрением*»³¹.

Презирая сановников и богатеев, Константин Петрович старался оценивать каждое явление российской действительности, каждое государственное учреждение и установление с точки зрения интересов простых людей, с позиции народного блага. Этому благу угрожало распространение пьянства в русском народе — освобождение народа от него, от кабака Победоносцев объявлял настоящей задачей царской власти. «Кабак, — писал он Александру III 30 июля 1883 года, — есть главный у нас источник преступлений и всякого разврата умственного и нравственного, — действие его невообразимо ужасно в темной крестьянской и рабочей среде, где *ничего* нельзя противопоставить его влиянию, где жизнь пуста и господствуют одни материальные интересы насущного хлеба. Кабак высасывает из народа все здоровые соки и распространяет повсюду голое нищенство и болезнь... В связи с кабаком — местное

³¹ Розанов В.В. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. М., 2003. С. 94–95.

крестьянское управление или самоуправление до того расстроено, что повсюду иссякает правда. Власти, разумно действующей, нет, слабые не находят защиты от сильных, а силу захватили в свои руки местные капиталисты, то есть деревенские кулаки-крестьяне и купцы, кабатчики и сельские чиновники, то есть невежественные и развратные волостные писаря»³².

Другой потребностью народа, помимо уничтожения кабаков, Победоносцев считал развитие народного образования. «Чтобы спасти и поднять народ, — указывал он, — необходимо дать ему *школу*, которая просвещала бы и воспитывала бы его в истинном духе, в простоте мысли, не отрывая его от той среды, где совершается жизнь его и деятельность»³³. В письме к Александру III, написанном 28 марта 1883 года, обер-прокурор Святейшего Синода пояснял, что таким учебным заведением должна быть церковно-приходская школа. «Для блага народного необходимо, — писал он, — чтобы повсюду, поблизости от него и именно около приходской церкви, была первоначальная школа грамотности, в неразрывной связи с учением закона Божия и церковного пения, облагораживающего всякую простую душу. Православный русский человек мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своею и заботиться об ней посредством приходского попечительства и повсюду образуются при церквях хоры церковного пения. Ныне все разумные люди сознают, что именно такая школа, а не иная должна быть в России главным и всеобщим средством для начального народного обучения»³⁴.

Еще одну насущную потребность русского народа Победоносцев связывал с новой судебной реформой, которая позволила бы исправить пороки судебной организации, возникшие вследствие прежней реформы. В письме Александру III от 30 июля 1883 года Константин Петрович ставил эту проблему следующим образом: «Наконец, *суд* — такое великое и страшное дело — суд, первое орудие

³² Письмо К.П. Победоносцева к Александру III от 30 июля 1883 года // Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Том 2. М., 1926. С. 39, 40.

³³ Там же. С. 39.

³⁴ Письмо К.П. Победоносцева к Александру III от 28 марта 1883 года // Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Том 2. С. 27–28.

государственной власти, ложно поставленный учреждениями, ложно направленными, — суд в расстройстве и бессилии. Вместо упрощения он усложнился и скоро уже станет недоступен никому, кроме богатых и искусных в казуистической формалистике»³⁵.

С.Ю. Витте утверждал в своих мемуарах, что Победоносцев «был человек высокодаровитый, высококультурный, и в полном смысле слова человек ученый». Вместе с тем Сергей Юльевич сообщал, что будучи недурным человеком, он был «наполнен критикой, критикой разумной и талантливой, но страдал полным отсутствием положительного жизненного творчества; он ко всему относился критически, а сам ничего создать не мог»³⁶.

Мнение о том, что умственный склад Победоносцева был всецело критическим, а не созидательным, высказывали многие из тех, кто его знал³⁷; на эту черту его государственного ума указывали и многие из авторов биографических очерков о нем. Князь В.П. Мещерский, друживший с Победоносцевым, по его признанию, с 60-х годов, писал о нем как о государственном деятеле: «Победоносцев представлял весьма интересное сочетание сильного светом и логикой критического ума с беспомощностью этого большого ума в области ответов на вопросы: что делать, что предпринять в пути. Он неопровержимо ясно и верно доказывал и говорил: “вы заблудились, сбились с пути”, но никогда не мог сказать, как же выйти на настоящий путь. Он метко критиковал мероприятия, и покойный Император Александр III часто пользовался во благо его критикой, но ни разу в продолжение его царствования Победоносцев не указал Императору на какую-то нужную государственную меру. Велика была заслуга его критического ума в первые дни царствования Александра III, когда нужно было воспрепятствовать осуществлению либеральной программы покойного графа Лорис-Меликова не потому, что эта программа была по существу и принципиально неприемлемой, но потому, что он

³⁵ Письмо К.П. Победоносцева к Александру III от 30 июля 1883 года. С. 40–41.

³⁶ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 250.

³⁷ Подобное мнение высказывал, например, идейно близкий к Победоносцеву К.Н. Леонтьев. «Человек он очень полезный, но как? Он как мороз: препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничего не будет», — такими словами Константин Николаевич характеризовал Константина Петровича.

основательно своим большим умом сознавал, что нельзя начинать царствование после 1 марта с либеральных реформ, так как они могли быть истолкованы в ущерб авторитету и нравственной силе Царевой власти, как действие, вынужденное злодеянием первого марта. Заслуга эта была историческая по своей важности, но в то же время ни разу в течение тринадцати лет царствования Александра III не только Победоносцев не подал ему совета коснуться государственного строя, не в смысле пошло либеральной рутины, но в смысле ослабления бюрократического гнета и приближения народа к Престолу, но всегда являлся неумолимым критиком всякой мысли, к этой цели направленной, от кого бы она ни исходила»³⁸.

В действительности негативное отношение К.П. Победоносцева к проекту М.Т. Лорис-Меликова имело более глубокую подоплеку. Оно проистекало не из консервативных взглядов обер-прокурора Святейшего Синода, не из его боязни каких-либо перемен в государственном строе Российской империи, но из отчетливого понимания того, что российское государство имело более персоналистский, нежели институциональный характер, опиралось в значительной мере не на институты, а на людей. Такое понимание особенностей российской государственности в свою очередь приводило Победоносцева к выводу о том, что любые проекты преобразования государственного строя сами по себе ничтожны, бессмысленны, что никакие отдельные меры не приведут к улучшению государственного управления, если на высших должностях не будет достойных людей, способных эффективно действовать в интересах своего народа. «Народ ищет наверху у власти, — отмечал он, — защиты от неправды и насилий, — и стремится там найти нравственный авторитет в лице лучших людей, представителей правды, разума и нравственности. Благо народу, когда есть у него такие люди — в числе его правителей, судей, духовных пастырей и учителей возрастающего поколения. Горе народу, когда в верхних властных слоях общества не находит он нравственного примера и руководства: тогда и народ поникает духом и развращается».³⁹

---

³⁸ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 783–784.

³⁹ Победоносцев К.П. Власть и начальство // Московский сборник. М., 1901. С. 315.

Какими же качествами должны были обладать, с точки зрения Победоносцева, люди, занимающие государственные должности? «В социальном и экономическом быте прежнего времени, — писал он, отвечая на этот вопрос, — история показывает нам — *благородное сословие* людей, из рода в род призванных быть не только носителями власти, но и попечителями о нуждах народных и хранителями добрых преданий и обычаев. Если суждено такому сословию возродиться в нашем веке, — вот в чем должны состоять основы бытия его и сущность его призвания:

- служить государству лицом своим и достоянием;
- быть в слове и деле хранителем народных добрых преданий и обычаев;
- быть ходатаем и попечителем народа в его нуждах и защитником от обиды и насилий;
- советом и примером поддерживать добрые нравы в семье и обществе;
- не увлекаться господствующею в обществе страстью к приобретению и обогащению и чуждаться предприятий, обычных для удовлетворения этой страсти»⁴⁰.

Можно назвать наивным предложенный Победоносцевым идеал правящей элиты, назвать его, но спросим себя: возможно ли существование мало-мальски достойного государства без группы управленцев, обладающих такими качествами? И не окажутся ли бессмысленными любые государственные реформы, любые меры по переустройству государственной власти, если на высших должностях не будет людей, отвечающих сформулированным Победоносцевым требованиям? А если новый государственный строй не будет способствовать приходу к власти таких людей, то зачем он нужен? Зачем тогда менять старый строй на новый? Разве замена одних пороков государственного организма на другие есть реформа?

Константин Петрович вполне понимал, что его требования к людям, занимающим высшие должности в государстве, слишком высоки, идут наперекор эгоистичной человеческой породе, но в то же время он сознавал, что, не приобретя указанных им качеств, правящие не смогут стать настоящей государственной элитой. «Возможно ли

⁴⁰ Победоносцев К.П. Власть и начальство // Московский сборник. М., 1901. С. 315–316.

осуществление такого идеала? Возможно ли бремя такого призвания?» — восклицал он и сам себе отвечал: «А без этого — как быть особливому сословию, призванному к власти?»⁴¹.

Отмечая, что в продолжение царствования Александра III Победоносцев только критиковал предлагавшиеся преобразовательные проекты, но сам «не указал императору на какую-то нужную государственную меру», князь Мещерский подразумевал под последними те или иные планы реорганизации государственного строя. Между тем Победоносцев полагал, что все подобные проекты и планы сами по себе ничтожны, бессмысленны: никакие отдельные меры не приведут к улучшению государственного управления, если на высших должностях не будет людей, свободных от страсти к личному обогащению, способных эффективно действовать в интересах своего народа. Правда, относительно суда он все же предлагал в 1885 году план исправления судебных институтов, установления новых взаимоотношений между судом и верховной государственной властью, пересмотра Устава уголовного судопроизводства, перераспределения подсудности и т. д.⁴²

Упрекать Победоносцева в том, что он за все время правления Александра III не предложил его величеству ни одной «нужной государственной меры», мог лишь человек, представлявший государство исключительно в качестве совокупности властных институтов и органов. Между тем Победоносцев усматривал в государстве не только политическое, но и духовное образование. Причем именно духовное содержание он считал определяющим сущность государства. К такой мысли его приводило наблюдение за тем, как функционируют государственные органы в современной ему России, как проходит подготовка и реализация государственных реформ. Он видел, что плодотворный результат из всех этих движений получался лишь тогда, когда они направлялись умными и энергичными людьми.

---

⁴¹ Там же. С. 316.

⁴² Эти меры были изложены в выше упоминавшейся записке К.П. Победоносцева о реформе судебных учреждений. См. ее текст в издании: Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. 1866–1895. Статьи, Очерки. Воспоминания. М., 2001. С. 185–191.

Эту закономерность Победоносцев старался раскрыть своему венценосному ученику. В письме к цесаревичу Александру Александровичу от 12 октября 1876 года он писал о реформах Александра II: «Слишком долго, надо сказать, все сидели сложа руки и воображали, что все само собой делается, лишь бы было создано положение, приняты новые начала и определены штаты. Нет, нигде, а особенно у нас, в России, ничто само собою не делается, без правящей руки, без надзирающего глаза, без хозяина. Таково было всегда мое убеждение, что первая наша потребность — хозяйство и добрые хозяева: а об этом у нас менее заботились. Вся забота направлена была к преобразованиям на новых началах, к изданию новых регламентов и положений и организаций. Все уверяли друг друга и старались уверить высшую власть, что все пойдет отлично, лишь бы принято было такое-то правило, издано такое-то положение, — и все под этим предлогом избавляли себя от заботы смотреть, надзирать и править. Так, мало-по-малу, разучались ставить и выбирать людей для дела, и дело попало всюду в руки людей ленивых, неспособных: лишь бы они казались настроенными в духе тех или других любимых начал, уставов и положений. Из всего этого вышло множество пустых слов и рассуждений, но очень мало толку»⁴³.

Критикуя правительство, Победоносцев указывал, что главный его недостаток коренится не в плохом устройстве государственных учреждений, но в отсутствии в правительстве духа, способного придать его деятельности осмысленность и последовательность. Внушая эту истину цесаревичу, он писал ему 8 апреля 1878 года: «Правительства *нет*, как оно должно быть, с твердой волей, с явным понятием о том, чего оно хочет, с решимостью защищать основные начала управления, с готовностью *действовать* всюду, где нужно. Люди дряблые, с расколотою надвое мыслью, с раздвоенной волей, с жалким представлением о том, что все идет само собой, ленивые, равнодушные ко всему, кроме своего спокойствия и интереса. Средины нет. Или такое правительство должно проснуться и встать,

---

⁴³ Письмо К.П. Победоносцева к цесаревичу Александру Александровичу от 12 октября 1879 года // Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Том 1. М., 1925. С. 52–53.

или оно погибнет. А что погибнет вместе с ним, о том и подумать страшно»⁴⁴.

Подобные истины о правительственных чиновниках Победоносцев раскрывал будущему императору Александру III и в письме, датированном 17 мая 1879 года: «К несчастью моему, я вижу вблизи и слышу всех этих людей, которые ныне держат в руках своих судьбы государства. Не могу выразить, какую жалость и горькую печаль они возбуждают: никого не видно, кто знал бы, чего хочет, кто желал бы горячею душой, кто решился бы действовать твердою волей, кто видел бы правду, кто говорил бы правду твердым словом. Все какие-то *скопцы*, а не люди, — самые лучшие из них колеблются, трусят, раздвоены в своей мысли, и оттого говорят только, но не действуют, и все врозь друг с другом, и нет единой решительной воли, которая связала бы их вместе и направила... Они все живут так, как будто величие их власти им принадлежит, а дело их идет само по себе. И горько слышать пустые и громкие их речи, когда знаешь жалкие дела их. Они думают, что сделали свое дело, когда выслушали доклад своих подчиненных, которые привыкли настраивать их как угодно, и потом понести выше свой собственный доклад в том же роде. Если б они понимали, что значит быть государственным человеком, они никогда не приняли бы на себя страшного звания: везде оно страшно, а особенно у нас, в России. Ведь это значит — не утешаться своим величием, не веселиться удобством, а приносить себя *в жертву* тому делу, которому служишь, отдать себя работе, которая сожигает человека, отдавать каждый час свой и с утра до ночи быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только. У нас, в России, все только людьми можно сделать, и всякое дело надобно держать, не опуская ни на минуту: как только опустишь его в той мысли, что оно идет само собою, так дело разоряется, и люди расходятся и опускаются. И вот так-то у нас теперь опущено и запущено все — от края до края. До того дошло, что во все места правления проникли злодеи и изменники, облеченные тоже властью; да и все раздвоились в

---

⁴⁴ Письмо К.П. Победоносцева к цесаревичу Александру Александровичу от 8 апреля 1878 года // Там же. С. 117.

мысли о том, что составляет существо доброй совести, правды и закона»⁴⁵.

Ключевую фразу приведенного письма, выражающей суть воззрений К. П. Победоносцева на государство, составляют слова: «**У нас, в России, все только людьми можно сделать**». Они и объясняют во многом, почему он являлся, как это отмечал князь В. П. Мещерский, «неумолимым критиком всякой мысли», направленной к реформе государственного строя. Главную свою надежду в улучшении жизни в России Константин Петрович возлагал не на систему государственных институтов и органов, а на людей, их наполняющих⁴⁶. И первым из таких людей, способных возвысить Россию, поставить ее уровень самых развитых в экономическом и культурном отношении государств, он считал своего ученика — императора Александра III. Отстаивая самым решительным образом неограниченность его верховной власти представительными государственными учреждениями, Победоносцев заботился о том, чтобы сохранить ему всю полноту власти и соответственно максимальную степень воздействия на ход государственных дел. Он старался исключить любую возможность ограничения свободы государственной деятельности российского императора на благо русского народа.

---

⁴⁵ Письмо К.П. Победоносцева к цесаревичу Александру Александровичу от 17 мая 1879 года // Там же. С. 207–208.

⁴⁶ Неверие в учреждения, институты, органы проявлялось в Победоносцеве и позднее. В марте 1903 года он писал П.А. Тверскому, поселившемуся в американском городе Лос-Анжелос: «Вы, выехав из России, стоите на той же точке, на какой тогда были, веруя в благодетельное значение каких-то реформ в смысле новой свободы. Но вера в “учреждения”, оторванные от жизни и от народа, ничего не принесла нам, кроме лжи и стеснения истинной свободы, ибо мы стали так опутаны учреждениями, что деваться некуда. И те, кои проводили их, пустив их в народ, успокоивались, воображая, что учреждения сами себя двинут и оживят что-то. Но у нас без руководства ничто само собой не оживает. Славянская раса не то, что англо-саксонская, скандинавская и даже немецкая: там дух партикуляризма и крепкого индивидуального развития; у нас — обязанность. И так вышло, что мы наряжены все в какое-то чужое платье, сшитое родным портным Васьюкою, и не можем в нем двигаться» (*Тверской П. А. Из деловой переписки с К.П. Победоносцевым. 1900–1904 гг. // Вестник Европы. 1907. Кн. 12. С. 665*).

Государственная идеология, придававшая первостепенное значение в государстве лицам, а учреждениям отводившая подчиненную роль, не могла стать идеологией реформ. Единственной функцией, которую она была способна эффективно выполнять, являлась функция консервации существующего политического строя. Но Победоносцев именно в консервации самодержавного правления и видел путь к спасению России.

* * *

Революция, вспыхнувшая в России в январе 1905 года, заставила императора Николая II пойти на реформу государственного строя Российской империи. 6 августа 1905 года его величество объявил Манифестом своим верноподданным о том, что признал «за благо учредить Государственную думу». При этом он повторил истину, на которую указывал Победоносцев, говоря о несовместимости самодержавия с парламентаризмом: «Государство Российское созидалось и крепло неразрывным единением царя с народом и народа с царем. Согласие и единение царя и народа — великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей, является и доньне залогом ее единства, независимости и целостности материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем». Свое отступление от доктрины самодержавно-монархической власти, которая проповедовалась его наставником, Николай II объяснил требованиями времени. «Ныне настало время, — заявил он, — следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов».

17 октября 1905 года император издал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», которым возложил на правительство выполнение своей воли: «1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова,

собраний и союзов. 2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей кратности остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

Приведенные положения Манифеста разрушали доктрину самодержавия, составлявшую стержень государственной идеологии Российской империи. К.П. Победоносцев, для которого эта доктрина составляла нечто вроде религиозного верования, не мог больше оставаться обер-прокурором и членом Комитета министров и подал в отставку с этих должностей, оставшись только членом Государственного совета. Константин Петрович хорошо понял, что произошло в результате издания Манифеста 17 октября: незыблемая на протяжении столетий в своих основных постулатах государственная идеология России стала меняться под влиянием политических настроений активной части русского общества.

Этот факт признал тогдашний председатель Комитета министров С.Ю. Витте. В своем всеподданнейшем докладе, представленном 17 октября Николаю II вместе проектом Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», Сергей Юльевич писал: «Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства или только как результат организованных действий крайних партий. Корни этого волнения несомненно лежат глубже. Они — в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы. В уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внешние

формы русской жизни. Первую задачу правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности...

Следующей задачей правительства является установление таких учреждений и таких законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы. Задача эта сводится к устройению правового порядка. Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена к благу широких народных масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах...»⁴⁷.

Статья 4 высочайше утвержденных 23 апреля 1906 года Основных государственных законов гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает».

Ранее существо верховной самодержавной власти определялась следующим образом: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»⁴⁸. В новом определении сущности самодержавной власти, зафиксированном в основных государственных законах редакции 1906 года было опущено слово «неограниченный». Объясняя это изменение, правовед П.Е. Казанский (1866–1947) высказывал мысль о том, что термин «неограниченный» был избыт в данном случае потому, что считался синонимом термину «верховный»⁴⁹. В доказательство им приводился текст статьи 2 Свода основных государственных законов, в котором говорилось: «Та же власть верховная и самодержавная принадлежит и императрице, когда

⁴⁷ Высочайшее повеление и Всеподданнейший доклад статс-секретаря графа Витте // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. СПб., 1905. № 43. С. 484–486.

⁴⁸ Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Том 1. Ч. 1. Основные государственные законы. СПб., 1857. С. 1.

⁴⁹ Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. М., 1999. С. 222.

наследство престола, в порядке для сего установленном, дойдет до лица женского»⁵⁰.

Возможно, так и было в действительности: термины «неограниченный» и «верховный» на самом деле воспринимались в качестве синонимов. Однако, нельзя не признать, что значения этих терминов не совпадают. Верховная по определению государственная власть вполне может быть и ограниченной. Употребление слова «неограниченный» в Основных государственных законах редакции 1906 года противоречило бы повелению императора Николая II, выраженному в Манифесте 17 октября 1905 года, «установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». Очевидно, что с введением этого правила самодержавная власть в России впервые становилась ограниченной внешними рамками.

Вследствие такой перемены коренным образом изменялось содержание доктрины самодержавно-монархической власти. Согласно ей самодержавная власть не могла быть ограниченной какими-либо внешними институтами, поскольку она являлась властью, ограничивающей себя сама – САМООГРАНИЧЕННОЙ.

Победоносцев наблюдал за всеми этими событиями с великой болью. Описывая князю Шаховскому свое душевное состояние после отставки, он признавался: «Вы ожидаете мне спокойствия и отдыха после моего увольнения. Но я ни того, ни другого себе не чаю... И все, что совершается вокруг, волнует днем и ночью, и вижу со скорбью, как храмина мною устроенная, мало-помалу разрушается, в правление нового Фараона, ложью и лестью. Угрожает разрушение и школам нашим, и людям, ревностно трудившимся»⁵¹.

Судьба избавила его от печальной участи наблюдать гибель Российской империи, которую он и предчувствовал, и предсказывал.

---

⁵⁰ В Основных государственных законах редакции 1906 года это установление было выражено в статье 6 и в слегка исправленном содержании («Та же Верховная Самодержавная власть принадлежит Государыне Императрице, когда наследство Престола, в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского»).

⁵¹ НИОР РГБ. Ф.336/II. Оп.30. Д.6. Л.85-86.

10 марта 1907 года Константин Петрович скончался, не дожив двух месяцев и одиннадцати дней до своего восьмидесятилетия.

В.В. Розанов, откликнувшись на смерть Победоносцева очерком-размышлением об этом человеке, сказал, пожалуй, самые правильные слова о выпавшей на его долю трагической судьбе: «Умер Победоносцев. И с ним умерла целая система государственная, общественная, даже литературная; умерло замечательное, может быть самое замечательное, лицо русской истории XIX века; сошел в могилу... целый исторический стиль законченной и продолжительной эпохи.

Человек стиля немногим пережил стильную эпоху. Он умер в пору, когда она вся разломалась на куски, и бурный поток, клокоча и негодуя, кусок за куском уносил и выбрасывал ее, как щепы разбитого корабля, как кирпич разрушенного здания. В смысле идейном, в смысле “веры, надежды и любви”, немногие люди были так жестоко наказаны, как Победоносцев. Ибо немногие имели случай увидеть, до какой степени ничего, решительно ничего, из того, во что они “верили” и что “любили” за долгую жизнь свою, что *создали* и *укрепляли*, не уцелело, — все погибло, и притом безвозвратно»⁵².

---

⁵² Розанов В.В. К.П. Победоносцев // Розанов В.В. легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерке. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 516.